

ST. PETERSBURG DATCHA'S AS A CULTURAL FRONTIER ZONE

Polina S. Churakova (a)

(a) Leningrad State University. 10 Petersburg sh., Pushkin, St. Petersburg, Russia 196605.
E-mail: sniaja[at]mail.ru

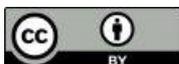
Abstract

In the article, the space of St. Petersburg datcha's in the second half of the XIX- early XX centuries is considered as a cultural frontier zone. In other words, as a space of simultaneous differentiation and interaction of two poles: the village and the city. Particular attention in the article is paid to the impact of the specifics of the datcha space on the nature of the formation and functioning of datcha community.

The intermediate location of datcha determines their uniqueness: dacha is in relatively equal proximity and distance from the city and village, as a result of which the properties and features of both of these spaces are manifested. These properties and traits leave their mark on the everyday life of the datcha community, including the set of sociocultural practices that are exist in it: the system of local self-government, forms of organization of leisure and out-of-leisure time of members of the datcha community, ways of physical and symbolic development of space. This is expressed in the fact that in the datcha is new ones appear and existing ones are being modernized in the urban or rural community ways of interaction, and therefore new sign systems appear and a new space is formed that cannot be unambiguously defined as urban or rural.

Keywords

St. Petersburg; the village; the city; cultural frontier zone; sociocultural practices; datcha community; material development of space; symbolical development of space; changes in the value system.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ДАЧНЫЕ ПРИГОРОДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ЗОНА КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Чуракова Полина Сергеевна (а)

(а) ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина». 196605,
 Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин Петербургское шоссе, д.10.
 E-mail: sniaja[at]mail.ru

Аннотация

Пространство дачных пригородов Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX в. рассматривается в статье как зона культурного пограничья. Иначе говоря, как пространство одновременного разграничения и взаимодействия двух полюсов: села и города. Особое внимание в статье уделяется влиянию специфики дачных пригородных пространств на характер формирования и жизнедеятельности дачных сообществ.

Промежуточное расположение дачных пригородов определяет их уникальность: дачные пригороды находятся в относительно равной близости и дистанцированности от города и села, вследствие чего в них проявляются свойства и черты обоих этих пространств. Эти свойства и черты накладывают свой отпечаток на повседневность дачного сообщества, в том числе на набор имеющихся в нем социокультурных практик: системы местного самоуправления, форм организации досугового и внедосугового времени членов дачного сообщества, способов физического и символического освоения пространства. Выражается это в том, что в дачных пригородах возникают новые и модернизируются уже существующие в городском или сельском сообществе способы взаимодействия, следовательно, появляются новые знаковые системы и формируется новая среда, которую невозможно однозначно определить как городскую или сельскую.

Ключевые слова

Дачные пригороды; Санкт-Петербург; село; город; зона культурного пограничья; социокультурные практики; дачное сообщество; физическое освоение пространства; символическое освоение пространства; изменения в системе ценностей.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Зона культурного пограничья представляет собой особое геокультурное пространство, складывающееся на границе двух и более культур (Бердник, 2013, стр. 57). Культурное пограничье, как отмечал Ю.М. Лотман, является «зоной культурного билингвизма, обеспечивающего семиотические контакты между двумя мирами, зоной "креолизованных" семиотических культур» (Лотман, 1992, стр. 13-14). Иначе говоря, новых социокультурных пространств, созданных в результате взаимодействия нескольких культур. Такие пространства оказываются одновременно близкими к исходным культурам и дистанцированными от них. Близкими – поскольку включают в себя элементы этих культур, в том числе традиции, нормы и ценности. Дистанцированными – поскольку, как правило, многие заимствованные элементы в них модифицируются и в своем новом виде уже не принадлежат к исходным культурам. Следовательно, зону культурного пограничья можно рассматривать как самостоятельное пространство, органично связанное с культурами, на границе которых оно сформировалось и развивается, но не являющееся вариантом какой-либо одной такой культуры (Григоричев, 2013, стр. 55-57).

В этом плане дачные пригороды Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. выступают как зона культурного пограничья: социокультурная локальность, не включенная ни в пространство города, ни в пространство села, но складывающаяся на их границе и использующая эту границу в качестве ресурса для развития (Григоричев, 2013, стр. 39). Формирование этого пограничного пространства было связано с несколькими факторами: с появлением новых представлений о качестве жизни и начавшейся санитарно-гигиенической пропагандой; с увеличением промышленного комплекса и возникшими в результате этого проблемами; с ростом цен на покупку, аренду и содержание недвижимости в столице; с расширением сети железных дорог (Малинова, 2005, стр. 15–20). Все эти факторы оказали значительное влияние на формирование у населения Санкт-Петербурга представления о необходимости сезонной миграции из столицы в пригороды и на освоение городскими жителями новых пространств, в частности сельских, которые ранее были практически не включены в сферу влияния города и городской культуры. Такие дачные пространства при этом не становились городскими, но и не оставались сельскими: в них происходило взаимодействие городской и сельской культуры, благодаря чему возникали как качественно новое локальное сообщество, с особой структурой и системой отношений, так и новые

социокультурные практики. Эти практики, составляющие фон повседневности для тех, кто был включен в дачное пространство, были чужими для тех, кто находился вне его, в пространстве города или села. В таком пограничном пространстве и горожанам, и принимающему сообществу (селянам) приходилось адаптироваться друг к другу как к носителям разных культурных традиций, приспосабливаться к новым условиям, возникшим в результате взаимодействия культур, а также создавать и принимать правила, регулирующие жизнь нового сообщества.

Специфика дачных пригородов как пограничной культурной зоны в значительной степени проявилась в социокультурных практиках, связанных с системой управления и благоустройства, системой организации досугового и вне-досугового времени, а также в практиках освоения и присвоения пространства.

Дачные пригороды Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. не входили в сферу влияния городского общественного управления. Вместе с тем на их территории законодательством Российской империи не предусматривалось и местное самоуправление, которое было характерно для сельских поселений (Гусаров, 2016, стр. 131). Иначе говоря, дачные пригороды не имели возможности применить ни городскую систему управления, ни сельскую, поскольку смешанный состав дачного сообщества и специфические условия его существования не вписывались ни в одну устоявшуюся систему. Попыткой решения этой проблемы стало создание особых общественных организаций – Обществ благоустройства дачных местностей. Такие Общества формировались и действовали на основе уставов, утвержденных Министерством внутренних дел, но при этом не имели никакой административной власти и никаких общих законодательных норм, регулирующих благоустройство (Сизов, 1912, стр. 1-2). Членами таких Обществ были жители дачных поселений, владевшие земельными участками или арендовавшие их. Соответственно, в работе Общества принимали участие, как горожане, так и селяне.

Деятельность Обществ почти полностью была основана на добровольных началах, что вызывало определенные затруднения, связанные с нежеланием части дачевладельцев и даченанимателей принимать участие в их работе и вследствие этого с недостатком средств на исполнение нужд благоустройства. Земства в отдельных случаях выделяли средства на решение проблем благоустройства. Например, Обществу содействия благоустройства местности Лесного в 1896 г. «уездное земство ассигновало тысячу рублей на приведение

в порядок уличных канав» (Глезеров, 2013b, стр. 37-38), а Обществу содействия благоустройства Шувалова, Озерков и 1-го Парголово в период его работы помогло обеспечить освещение 18 улиц фонарями: «установку фонарей оплачивали владельцы участков, а их стоимость и эксплуатацию принимало на себя земство» (Глезеров, 2004, стр. 326). Но подобные ассигнования были не постоянными, поэтому многие Общества начинали заниматься доходной деятельностью.

Земства передавали в ведение Обществ благоустройства довольно обширный круг вопросов: улучшение санитарного состояния территории (строительство канализации, водопровода, уборка мусора, и т.д.), обеспечение противопожарной безопасности, развитие благоустройства дачного поселения (электрификация; телефонизация; содействие устройству, мощению и освещению улиц и т.д.), создание учебных и медицинских учреждений, а также проведение общественных, спортивных и культурных мероприятий (Глезеров, 2004; Гусаров, 2016). Организуя разнообразные мероприятия, в том числе спектакли, музыкальные и танцевальные вечера, лекции, спортивные соревнования, Общества могли получать дополнительные средства на благоустройство территории. Также они получали доход от устройства почтовых отделений, магазинов, библиотек, театров, и т.д. (Глезеров, 2004, стр. 324-325). В этом плане Общества выступали как юридические лица, что ставило их в промежуточное положение между городскими и сельскими органами управления: земства и города в целом по закону обладали статусом юридического лица, но органы их местного самоуправления этим статусом не обладали (Гильванова, 2013, стр. 119); Общества обладали юридическим статусом, несмотря на то, что физически они располагались на территории земств и воспринимались земствами как специфический орган самоуправления местности.

Пограничное положение Обществ в системе управления территорией также проявлялось в том, что, хотя они не имели административной власти, они могли разрабатывать правила строительной деятельности и внутренние правила проживания. Эти правила вносились в купчие и должны были соблюдаться всеми, кто владеет недвижимостью или арендует земельный участок на территории дачного поселения. Например, в некоторых дачных пригородах, в том числе в Шувалово, Озерках, Парголово, в купчую включался пункт о запрещении открывать на участках «питейные заведения и предприятия, пожароопасные и производящие шум» (Александрова, 2009, стр. 387). Также во многих местностях к обязательным пунктам в купчей относились правила, связанные с

вырубкой деревьев на участках, расположением строений, санитарным содержанием участков и т.д. В том числе, такие правила были в Стрельне, Сиверской, Лахте, Лесном и др. За исполнением этих правил следили Общества благоустройства: в случаях их нарушения, владельцам участков либо делался выговор, либо выписывались протоколы, которые впоследствии могли передаваться в земские управы (Глезеров, 2013а, стр. 221).

Помимо Обществ благоустройств в дачных пригородах возникали общества, не относившиеся к системе управления, но также организующие досуговое и вне-досуговое время членов дачного сообщества. Многие из них, в том числе общества спасения на водах, общества вспоможения бедным, общества трезвости и т.д., «переносились» из города в дачные пригороды в практически неизменном своем состоянии. Вместе с тем в дачных пригородах появлялись самобытные общества. К ним относятся добровольные пожарные общества и общества народных развлечений. Первое добровольное пожарное общество было организовано князем А.Д. Львовым в Стрельне в 1881 г. В столице в это время существовали профессиональные пожарные команды, однако они были не способны успешно противостоять пожарам в пригородах, поскольку не успевали вовремя прибыть на место пожаров. В сельской местности пожары тушили сами жители, неся пожарную повинность (Глезеров, 2013с, стр. 50-55). Но в дачных пригородах сельскую систему тушения пожаров применить было достаточно сложно: дачные территории постоянно расширялись и пожары по масштабу становились все больше, их нельзя было потушить собственными силами местных жителей. Решением возникшей проблемы стали дачные добровольные пожарные общества. Они занимались не только тушением пожаров, но и проводили лекции по противопожарной безопасности, устраивали благотворительные балы и спектакли, доходы от которых помогали приобретать необходимое пожарное оборудование (Засосов & Пызин, 1991, стр. 234-235). Подобные общества были в большинстве дачных пригородов и обслуживали не только дачную территорию, но и все близлежащие сельские поселения. Общества народных развлечений, в свою очередь, обычно были подразделением Обществ благоустройства и принимали на себя обязанности организации культурно-просветительской деятельности для дачного сообщества. Такое общество существовало, например, в Лесном (Глезеров, 2013b, стр. 66).

Преобладающая рекреационная функция дачных пригородов и их пограничное положение обусловило существование и сочетание здесь как традиционных сельских, так и столичных форм досуга. Причем в пространстве дачных пригородов сельские занятия получали более цивилизованный вид, а городские развлечения обретали большую свободу и неформальность. Горожане привнесли в дачную местность разнообразные спортивные занятия, активно входившие в моду в то время. К ним относился велосипедный спорт, футбол, лаун-теннис, катание на роликовых коньках, плавание, гимнастика, легкая и тяжелая атлетика, парусный и буерный спорт, лыжный и конькобежный спорт (Глезеров, 2013с, стр. 211-225). Для организации этих спортивных занятий в дачных пригородах обычно отводились отдельные территории и строились специальные учреждения. Например, в Стрельне в 1895 году был построен специальный циклодром (велотрек), который использовался для проведения велосипедных, автомобильных и мотоциклетных гонок, а также футбольных матчей и атлетических соревнований. Рядом с циклодромом в специальном павильоне была оборудована площадка для лаун-тенниса и занятий на роликовых коньках (Глезеров, 2009; Засосов & Пызин, 1991). Зимой в Лесном организовывались места проката финских лыж и специальной лыжной обуви (Глезеров, 2013b, стр. 70). В Лахте для двух теннисных клубов были созданы теннисные корты и в 1913 году построен «павильон на 150 человек, с крытой террасой, отдельными кабинетами правления и гардеробом» (Гусаров, 2016, стр. 227). В большинстве дачных пригородов, в том числе в Шувалово, Озерках, Парголово, Стрельне, Сиверской, также строились специальные причалы для яхт-клубов и устраивались футбольные поля. При этом нужно отметить, что развитие спортивных занятий в дачных пригородах иногда шло более активно, чем в столице, и спортивные кружки и школы, открывающиеся в таких пригородах, не только вносили существенный вклад в развитие отдельных популярных видов спорта, но и открывали новые для России виды. Например, одна из самых известных школ плавания в Санкт-Петербурге и его окрестностях, Шуваловская школа плавания, практиковала игру в мяч на воде и в этом виде спорта – водное поло – была первой в России (Глезеров, 2004, стр. 347).

Горожане также способствовали появлению в пригородах таких особых дачных явлений как летние дачные театры и музыкальные вокзалы. В летних театрах выступали как известные актеры столичных театров, гастролирующие по окрестностям Санкт-Петербурга, так и любительские труппы, в которых могли участвовать

петербуржцы-дачники и местные жители. Репертуар такого театра состоял из драм и легких комедий, которые играли профессионалы, и из дачных комедий, которые разыгрывались актерами-любителями (Глезеров, 2013 с, стр. 212-216). Практика музыкальных концертов в пригородах также приобрела своеобразие: в дачных поселениях возникали музыкальные вокзалы. Иначе говоря, вокзалы, которые в XIX веке часто становились местом выступления оркестра, функционировали в дачных пригородах как постоянные места проведения концертных вечеров. Такие вокзалы существовали, в том числе в Павловске и Озерках. В дачных поселениях произошло совмещение центров общественной и культурной жизни города и провинции, в результате которого образовался новый социокультурный феномен.

Из традиционных сельских форм досуга дачные пригороды заимствовали рыболовство, катание на лодках, купание, прогулки по лесу и парку, собирание грибов и ягод, верховую езду, охоту. Но и эти формы досуга были преобразованы, подстроены под горожан. К таким преобразованиям относилось строительство общественных и частных купален со специальными помостами, разбивка на территории леса общественных парков, создание охотничьих обществ (Засосов & Пызин, 1991; Гусаров, 2015).

Физическое освоение горожанами сельского пространства, то есть возникновение в сельской местности новых, не характерных для нее объектов, сопровождалось также символическим постижением и присвоением этого пространства (Григоричев, 2013, стр. 216-218). Покупая или арендуя дачу, горожанин присваивал себе и особый символический капитал: репутацию, связи и принадлежность к определенному сообществу. Местонахождение дачи конкретизировало, что это было за сообщество: представители аристократии и высшего среднего сословия обосновывались обычно в Павловске, Царском Селе, Стрельне, Петергофе и др., представители среднего сословия – в более близких и менее дорогих дачных пригородах, в том числе в Шувалово, Озерках, Парголово, Лахте, Лесном (Пискарев & Урлаб, 2007, стр. 127-129). Наличие дачи, ее внешний вид и местоположение становилось символом дохода, социального статуса и принадлежности к определённой социальной группе.

В процессе освоения пространство дачных пригородов наполнялось разнообразными символическими маркерами, в том числе, мифами, легендами и рассказами, связанными с историей местности, природными объектами, архитектурными сооружениями и

судьбами их владельцев и архитекторов, с жизнью деятелей истории и культуры, а также с повседневной жизнью дачников (Окладникова & Марова, 2014, стр. 59). Многие из этих рассказов существовали не только в устной форме, но и в виде театральных постановок в любительских летних театрах (Гусаров, 2015, стр. 23-24).

Еще одним средством символического освоения пространства служила одежда. В дачных пригородах она становится не столько символом социального статуса отдельного человека или группы, сколько символом принадлежности к социокультурному пространству и особому образу жизни дачных пригородов. Жизнь в дачных пригородах, особенно в начале XX века, сформировала и закрепила «определенную культуру поведения – внешний демократизм», что довольно ярко отражалось в костюме: «одежда на даче была самой непритязательной» (Гусаров, 2015, стр. 57), здесь позволялось отступать и от моды, и от этикета, и от определенных статусных символов в пользу удобства (*Дачники*, 1849, стр. 86). Внешний демократизм также проявлялся во взаимодействии людей, которое в дачных пригородах становилось более свободным и непринужденным. Это, в свою очередь, изменяло иерархию ценностей горожан, принадлежавших к дачному сообществу, но лишь на время жизни в дачном пространстве.

Сельские жители также участвовали в символическом освоении дачных пригородов: несмотря на то, что физически территория дачных пригородов изначально являлась сельской местностью, изменения, которые привнесли горожане, требовали адаптации местных жителей к новым условиям. Сельские жители тоже создавали мифы, легенды и рассказы, по-своему наделяли те или иные явления дачной жизни определенной символикой. При этом в их системе ценностей произошли большие изменения, чем у горожан. Главным образом это выразилось в смене критериев процветания и стабильности у сельских жителей: если раньше символом богатства выступала земля (поля и огороды), то с приходом горожан, этим символом сделался дачник (Александрова, 2009, стр. 463). В результате изменились экзистенциальные константы сельского жителя, поставившего себя в добровольную зависимость от горожан. Все это приводило к формированию в дачных пригородах качественно нового локального сообщества с относительно новой системой ценностей.

Физическое и символическое освоение пространства в дачных пригородах, таким образом, происходило одновременно с определением статусов «своего» и «чужого», то есть с

самоидентификацией определенной группы, и соответственно с формированием границ этого пространства. Границы дачного пространства при этом определялись не столько в конкретном (физическом) и условном (административном) плане, сколько в социокультурном, символическом: они располагались там, где «система взаимодействий индивидов или групп становилась преимущественно гомогенной <...>, основанной на городских либо сельских практиках» (Григоричев, 2014, стр. 23).

Список литературы

- Александрова, Е. Л. (2009). *Северные окрестности Петербурга. Историческое прошлое*. Санкт-Петербург: Лики России.
- Бердник, А. П. & Бердник, Е. А. (2013). Пограничный регион в междисциплинарном контексте культурологического знания. В Г. А. Салтык (Ред.), *Культурология в контексте гуманитарного знания: сборник статей* (с. 55-62). Курск: Курский государственный университет.
- Гильванова, И. Н. (2013). Субъекты местного самоуправления в законодательстве Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Вятского государственного университета*, 3, 117-120.
- Глезеров, С. Е. (2004). *Петербург на север от Невы: Лесной, Удельная, Коломяги, Озерки-Шувалово*. Москва: Центрполиграф.
- Глезеров, С. Е. (2009). *Модные увлечения блистательного Петербурга: Кумиры. Рекорды. Курьезы*. Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: МиМ-Дельта
- Глезеров, С. Е. (2013a). *Исторические районы Петербурга от А до Я*. Москва: Центрполиграф
- Глезеров, С. Е. (2013b). *Северные окраины Петербурга. Лесной, Гражданка, Ручьи, Удельная*. Москва: Центрполиграф.
- Глезеров, С. Е. (2013c). *Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века*. Москва: Центрполиграф.
- Григоричев, К. В. (2013). *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев, К. В. (2014). *Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода*. PhD Thesis. Хабаровск.

- Гусаров, А. Ю. (2015). *Юго-западные предместья Петербурга. История, архитектура, дачная жизнь*. Санкт-Петербург: Паритет.
- Гусаров, А. Ю. (2016). *Северо-восточные предместья Петербурга*. Санкт-Петербург: Паритет.
- Дачники, или Как должно проводить лето на даче: наставление в виде рассказа, необходимое для всех жителей и посетителей дач*. (1849). Санкт-Петербург: В. Поляков.
- Засосов, Д. А. & Пызин, В. И. (1991). *Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов*. Ленинград: Лениздат.
- Лотман, Ю. М. (1992). *О семиосфере. Избранные статьи в 3-х т. (Т. I)*. Таллин: Александра.
- Малинова, О. Ю. (2005). *Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга: 1870-1914*. PhD Thesis. Санкт-Петербург.
- Окладникова, Е. А. & Марова, А. О. (2014). Метапространство дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга конца XIX-начала XX веков. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 2, 52-62.
- Пискарев, П. А. & Урлаб, Л. Л. (2007). *Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века*. Санкт-Петербург: Гиперион.
- Сизов, М. И. (Ред.). (1912). *Поселок: иллюстрированный журнал по вопросам общественно-экономической жизни поселков и пригородов Петербурга*. Санкт-Петербург: М. И. Сизов.

References

- Alexandrova, E. L. (2009). *Northern suburbs of St. Petersburg. Historical past*. St. Petersburg: Faces Of Russia. (In Russian)
- Berdnik, A. P. & Berdnik, E. A. (2013). Border region in the interdisciplinary context of cultural knowledge. In G. A. Saltyk (Ed.), *Cultural studies in the context of humanitarian knowledge: collected papers* (pp. 55-62). Kursk: Kursk state University. (In Russian)
- Gil'vanova, I. N. (2013). Subjects of local government in the legislation of the Russian Empire (the second half of XIX – early XX century). *Herald of Vyatka State University*, 3, 117-120. (In Russian)
- Glezerov, S. E. (2004). *Petersburg North of the Neva: Lesnoj, Udel'naya, Kolomyagi, Ozerki-Shuvalovo*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)

- Glezerov, S. E. (2009). *Fashion Hobbies of brilliant St. Petersburg: Idols. Records. Oddities*. Moscow: Centrepolygraph; St. Petersburg: MIM-Delta. (In Russian)
- Glezerov, S. E. (2013a). *Historical districts of St. Petersburg from A to Z*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)
- Glezerov, S. E. (2013b). *Northern outskirts of St. Petersburg. Lesnoj, Grazhdanka, Ruch'i, Udel'naya*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)
- Glezerov, S. E. (2013c). *The St. Petersburg area. Life and manners of the early twentieth century*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)
- Grigorichev, K. V. (2013). *In the shadow of the big city: the social space of the suburbs*. Irkutsk: Impression. (In Russian)
- Grigorichev, K. V. (2014). *Suburban communities as a social phenomenon: the formation of suburban social space*. PhD Thesis. Khabarovsk. (In Russian)
- Gusarov, A. Y. (2015). *South-Western suburbs of St. Petersburg. History, architecture, country life*. St. Petersburg: Paritet. (In Russian)
- Gusarov, A. Y. (2016). *North-Eastern suburbs of St. Petersburg*. St. Petersburg: Paritet. (In Russian)
- Dacha dweller, or how to spend the summer in the dacha: instruction in the form of a story, necessary for all residents and visitors to the dacha*. (1849). St. Petersburg: V. Polyakov. (In Russian)
- Zasosov, D. A. & Pyzin, V. I. (1991). *From the life of St. Petersburg 1890-1910-ies*. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (1992). *On the semiosphere. Selected articles in 3 vols. (Vol. I)*, Tallinn: Alexandra. (In Russian)
- Malinova, O. Yu. (2005). *Sociocultural factors of formation of suburban space around St. Petersburg: 1870-1914*. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russian)
- Okladnikova, E. A. & Marova, A. O. (2014). Metaspace of suburban landscapes of the Northern suburbs of St. Petersburg of the late XIX – early XX centuries. *Scientific result. Social and human studies*, 2, 52-62. (In Russian)
- Piskarev, P. A. & Uralab, L. L. (2007). *Dear old Petersburg. Memories of the life of old St. Petersburg in the early XX century*. St. Petersburg: Hyperion. (In Russian)
- Sizov, M. I. (Ed.). (1912). *Settlement: illustrated magazine on social and economic life of settlements and suburbs of St. Petersburg*. St. Petersburg: M. I. Sizov. (In Russian)